

Dohnal, Josef

**Переход от рационального к иррациональному в прозе
начала 20 века : (Л. Андреев и С.Н. Сергеев-Ценский)**

In: *Problémy poetiky*. Dohnal, Josef (editor); Kšicová, Danuše (editor); Pospíšil, Ivo (editor). 1. vyd. Brno: Ústav slavistiky Filozofické fakulty Masarykovy univerzity., 2006, pp. 39-46

ISBN 802104179X

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/132664>

Access Date: 28. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

ПЕРЕХОД ОТ РАЦИОНАЛЬНОГО К ИРРАЦИОНАЛЬНОМУ В ПРОЗЕ НАЧАЛА 20 ВЕКА (Л. АНДРЕЕВ И С. Н. СЕРГЕЕВ-ЦЕНСКИЙ)

ЙОЗЕФ ДОГНАЛ (БРНО)

Последняя треть 19-ого века характеризуется в русской – и не только русской – литературе довольно резким отходом от миметического изображения действительности. Поколение русских критических реалистов под самый конец века уходит с литературной сцены, а сменяется другим поколением, среди которого видное место занимают старшие символисты, но не только они. Довольно резко проходящее изменение имеет свои корни чуть раньше и зарождается в философии того времени.

Среди русских философов-предтеч русской символистской литературы занимает видное место Владимир Соловьев, идеи которого влияют на многих представителей искусства того времени. Он утверждает, между прочим, что: „Především je třeba si uvědomit, nehledě na to, co říká filosofie idealismu či materialismu, že samotná tato filosofie, všechny její systémy absolutních idejí nebo systémy atomů jsou pouze produkty lidského rozumu a jakožto takové je musíme chápat, protože v tom je jejich význam.“¹ Сосредотачивает, таким образом, внимание на человеческой психике и на том, насколько индивидуальное человеческое сознание способно концептуализировать мир. Он отделяет, значит, внешний мир и его рефлексию в человеческом сознании как два разных явления; ни одно из них, однако, он не считает самостоятельным феноменом. Для него – внешний мир является только отражением Абсолютного. И искусство представляет собой, по его мнению, один из путей выявления этого Абсолютного: при помощи изображения прекрасного в мире мы можем прикоснуться, интуитивно нащупывать

¹ Solovjov, V.: Na cestě k pravé filosofii. In: Solovjov, V.: Idea nadčlověka. Olomouc 1997, s. 24.

Абсолютное: „Natural beauty, he declared, is a manifestation of the concrete operation of the Absolute in the material world; by 'transilluminating' and spiritualizing matter, beauty helps to raise up the fallen World Soul and to introduce an element of the divine into reality.“²

Такому взгляду на возможности человека понимать окружающий его мир близки многие приходящие на поприще русской литературы теоретики и писатели. Например, Валерий Брюсов в своей статье „Ключи тайн“ говорит по этому поводу: „...искусство есть постижение мира иными, не рассудочными путями. Искусство – то, что в других областях мы называем откровением. Создания искусства это – приотворенные двери в Вечность“.³ Далее он говорит: „Все наше сознание обманывает нас, перенося свои свойства, условия своей деятельности на внешние предметы. Мы живем среди вечной, исконной лжи. Мысль, а, следовательно, и наука бессильны разоблачить эту ложь. ... Наука лишь вносит порядок в хаос ложных представлений и размещает их по рангам, делая возможным, облегчая их узнавание, но не познание“.⁴ Ища все-таки выход из такого положения человека, он находит его подобно Соловьеву в искусстве, дающем возможность заглянуть хоть отчасти в область познания: „Эти просветы – те мгновения экстаза, сверхчувственной интуиции, которые дают иные постижения мировых явлений, глубже проникающее за их внешнюю кору, в их сердцевину. Исконная задача искусства состоит в том, чтобы запечатлеть эти мгновения прозрения, вдохновения. Искусство начинается в тот миг, когда художник пытается уяснить самому себе свои темные, тайные чувствования“.⁵

В атмосфере интенсивных философских дискуссий и признания науки, что она своими методами не умеет пока решить все вопросы мироздания и восприятия человеком мира, не удивляет, что и те писатели, которые не принадлежали непосредственно к группе символистов, стали смотреть на мир по-другому, чем их предшественники. И в их творчестве наблюдаются тенденции к ослаблению роли рационального начала и к постижению „иных“, по сути иррациональных

² Walicki, A.: History of Russian Thought. Stanford 1979, s. 392.

³ Брюсов, В.: Ключи тайн. В: Rosyjskie kierunki literackie. Przełom 19 i 20 wieku. Warszawa 1982, s. 23.

⁴ Там же.

⁵ Там же, с. 24.

моментов, действующих в мире и, прежде всего, в человеческом сознании.

В качестве примера попытаемся показать специфические черты, которые приобретает рассказ двух литераторов, которые отчасти близки реалистическому методу, но которые усматривают именно какую-то другую сторону явлений – Сергеева Николаевича Сергеева-Ценского и Леонида Андреева.

Как такая тенденция проявляется в рассказе Сергеева-Ценского *Дифтерит*. Рассказ, возникший в 1904 году и состоящий из 8 коротких глав, начинается традиционно реалистической экспозицией – в барском доме сидят двое мужчин, а на дворе зимняя ночь и сильный ветер. Хмурая картина описания обстановки содержит уже предчувствие чего-то неприятного: «Она (ночь) смотрела ... тусклым взглядом, и в бездонных глазах ее виднелась тоска.»⁶ И следующие приметы обстановки в доме и вне его намекают на что-то темное и неприятное. Оно как будто скрыто и выжидает в их непосредственной близости. Так напр. хозяин лежит *в тени* на диване, его тело *черной тяжелой массой вдавилось* в диван, свет лампы *колыхается*, на столе *объедки*, собеседник обладает *потертой* фигурой, да еще говорит о том, что «...чуть что тебе удастся для самого себя сделать приятное, то есть веселое этакое какое-нибудь, - так и знай, что не к добру веселился. ... Там уж что-нибудь ждет такое ... возьмет и кокнет....»⁷ Чуть дальше он приводит примеры таких «что-нибудь» – кашель, насморк, да еще хуже, и напоминает о возмездии, о преступлениях «из-за так называемой любви», об изувечении серной кислотой, ... Первая часть экспозиции кончается картиной не очень приятной: «Дальние углы темнели густо и жутко, точно там притаился кто-то бесплотный, выжидающий, а в одном углу, за роялем, гладкий блестящий от лампы овальный лист фикуса был похож на чей-то немигающий глаз.»⁸ Начнется, значит, двойное изображение: за явлениями как будто еще что-то или кто-то скрыт, они не только есть, но они обладают еще и каким-то дальнейшим значением; мир раздваивается на явное и за ним скрытое.

Ощущение чего-то неприятного меняется в реальность во второй главе рассказа: мы узнаем, что мужчины – двоюродные братья. Мо-

⁶ Сергеев-Ценский, С. Н.: Повести и рассказы, т. 1, 1902-1912. Москва 1975, с. 35.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

дест Гаврилович богат, однако в его доме случилось несчастье – у Модеста Гавриловича умер сын. Нянька Федосья в третьей главе рассказывает, как оба его сына Петя и Коля заболели недавно дифтеритом. Приглашенный родителями врач поставил диагноз и немедленно поехал в больницу за лекарствами. Вернулся оттуда, однако, с одной только прививкой на двоих. Родителям пришлось решать неимоверную дилемму, которому из обоих сыновей прививка достанется. В момент решения сталкиваются два подхода к дилемме: «Барыня плачет навзрыд, никак от нее ничего добиться нельзя, а барин говорит: „Прививайте Колюшке, а Петя, может, и так выходится“. Петя – он действительно кругленький такой, полненький мальчик был...»,⁹ рассказывает об этом решении нянька. Значит – решение, предложенное барином, основывалось на анализе состояния здоровья обоих мальчиков и на рациональном взвешивании шансов. В данном решении «выравнивались шансы» мальчиков выздороветь. Мы можем сказать, что тут находит применение рациональный подход, прагматическое видение обстановки.

Не так, однако, как Модест Гаврилович предполагал, вышло. Через три дня первый из сыновей умер.

Модест Петрович был смущен, но принял исход сложной ситуации со смирением – вышло плохо, но такой исход можно было ожидать на основе рациональной оценки: прививка помогла. Только отчасти рациональная надежда (надежды же почти иррациональны, эмоциональны) не оправдалась, так как без прививки болезнь оказалась неодолимой. Из разговора Модеста Гавриловича с доктором мы узнаем далее, что Коля, второй его сын, остался в живых, но по состоянию здоровья доктор посоветовал поехать с ним в Кан, чтобы он там поправился. Сопровождали его в поездке потрясенная смертью сына мать и сестра Модеста Гавриловича. Поводы для поездки – опять рациональны и основываются они на словах и рекомендации доктора, представителя медицины, т. е. науки. Предположения для данной рекомендации так же рациональны: ослабевший Коля окрепнет, лучше станет и его матери. Оба они выздоровят, жизнь пойдет дальше своим чередом. Такие предположения врача приемлемы и для рационально взвешивающего ситуацию Модеста Гавриловича.

Рационалистическое мышление подчеркивает и разговор Модеста Гавриловича, врача и его двоюродного брата, не очень успешного чиновника. Модест Гаврилович подчеркивает, что: «Не должно быть ни

⁹ Там же, с. 39.

судьбы, ни случая, никакой этой ерунды не должно быть – все должно быть ясно! Есть следствие – значит, должна быть причина, и больше ничего ... Виноват и сам Петя: не выздоровел без прививки – значит, был слаб. ... И больше ничего... Коля должен поправиться в Кане, потому что там подходящий для него климат...».¹⁰

На другой день получает он письмо от сестры: В Кане умер и его другой сын, Коля. До того времени рациональный Модест Гаврилович ощущает крушение основ своего мировидения и миропонимания – это не должно было произойти; смерть Коли – для Модеста Гавриловича иррациональна, противоречащая всем рациональным предположениям: он же получил лекарство, он же преодолел болезнь, он же поехал туда, куда советовал врач, представитель науки... Где тут причина?

Ища причину, Модест Гаврилович едет к врачу, упрекает его в том, что его совет не оправдал надежды на выздоровление сына. После констатации врача, что: «Наука бессильна...»¹¹, встреча кончается пощечиной. Модест Гаврилович уезжает. Именно это – момент, когда мы чувствуем, что это уже совсем другой человек: он бьет лошадей, мчится метелью неизвестно куда, не останавливается у себя дома. Он потерял смысл и цель своей жизни:

«Все пропало! Кончено! – вслух сказал Модест Гаврилович.

Со дна его души поднялись плотные серые жужокащие мысли, похожие на рой пчел, сбитых ливнем.

И в душе его заколыхался животный страх перед чем-то большим и всесильным, имя которому на человеческом языке – ‚Жестокость‘.

Оно встало перед ним, ледяное и гладкое, и погребло под собою то, что он называл раньше ‚справедливостью‘, ‚причиной‘, ‚долгом‘ и другими, теперь лишенными значения словами».¹²

Метель, которая сопровождает Модеста Гавриловича, свидетельствует о том, насколько человек мал, бессилен: «Полновластной хозяйкой носилась она по его земле, купленной трудами целой жизни. Она издевалась и над его буланьими, и над медвежьей полостью его саней, и над ним самим. Она хохотала прямо ему в уши дребезжащим, подлым смехом..., а он стоял злобный, раздавленный, непонимающий и жадно и жестоко бил и гнал лошадей, точно хотел нагнать

¹⁰ Там же, с. 46-47.

¹¹ Там же, с. 50.

¹² Там же, с. 52.

и раздавить Судьбу». ¹³ И метель как будто сопровождает с тех пор Модеста Гавриловича постоянно, как об этом свидетельствует и экспозиция рассказа, в качестве, во-первых, преимущества природных сил над человеком, во-вторых, как символическое явление, сопровождающее вихрь мыслей в его голове.

Что-то очень подобное происходит и в известном рассказе Леонида Андреева *Губернатор* (1905). Главный герой рассказа – губернатор Петр Ильич – действует полностью по рациональным соображениям всю жизнь. Событием, которое приносит изменение, является демонстрация, которая настолько насильственна, что губернатор решает применить насилие. По его команде стреляют в демонстрирующих, убивают сорок семь мужчин, женщин и детей. Момент, когда губернатор посетил сарай, в котором находились мертвые, резко меняется его взгляд на мир. Рациональное восприятие обстановки исчезает, поведение губернатора меняется.

В разговоре с сыном ночью в саду их дома он говорит о ночи: „Вообрази, что здесь, за каждым деревом сидят люди – невидимые люди – и подстерегают. Их много – сорок семь, сколько было убитых – и они сидят, слушают и подстерегают.“ ¹⁴ Тут мы наблюдаем подобное как у Сергеева-Ценского: кто-то невидимый следит за действиями персонажей; там это персонифицированная природа, здесь «невидимые люди».

Для губернатора прекращается действие рационального, прагматического восприятия мира, а наступает иррациональное, на основе каких-то иррациональных законов основывающееся понимание мира. «Мыслей к нему приходило много, а иногда очень живых и интересных, но не сплетались они в одну крепкую, длинную нить, а бродили в голове, словно коровы без пастуха». ¹⁵

Мышление губернатора резко меняется: в его голове появляется что-то новое: «Он впервые подумал о каком-то судье и удивился, откуда его взял, и, главное, взял так, как будто это вопрос давно уже решенный. Словно он уже крепко спал, и во сне кто-то разъяснил ему, что нужно, про судью и убедил его; потом он проснулся, сон позабыл, объяснения позабыл, а знает только, что есть судья, вполне законный судья, облеченный огромными и грозными полномочиями.

¹³ Там же.

¹⁴ Андреев, Л. Н.: Собрание сочинений, т. 2. Рассказы и пьесы 1904-1907. Москва 1990, с. 115.

¹⁵ Там же, с. 116.

И теперь, после минутного удивления, он принял этого неведомого судью спокойно и просто, как встречают хорошего и старого знакомого». ¹⁶ И люди в городе чувствуют, что произошло непреодолимое, невозвратимое: «Как будто сам древний, седой закон, смерть карающий смертью, давно уснувший, чуть ли не мертвый в глазах невидящих – открыл свои холодные очи, увидел убитых мужчин, женщин и детей и властно простер свою беспощадную руку над головой убиенного». ¹⁷

И губернатор принимает этот приговор. Ведет себя, по мнению всех, странно – гуляет один по городу, показывает себя без защиты, теряет интерес к нормальному обиходу, ждет момента своего убийства. «Смертельно одинок он был, сбросивший покров вежливости и привычки, и даже не почувствовал этого – словно всегда, во все дни его долгой и разнообразной жизни одиночество было естественным, ненарушимым его состоянием, как сама жизнь». ¹⁸

Изменение, как и у Сергеева-Ценского, происходит быстро, как будто один взгляд на мир исчез, и вместо него встроили другой. Просто так – непринужденно, как открытие какого-то закона, закономерности, которой, однако, нельзя дотронуться разумом. Что-то выше рационального понимания – ведь он несколько раз пытался понять, осмыслить каждое слово и каждое движение, которые тогда сделал. Ничего не выходит – кроме иррационального чего-то, что управляет судьбой человека и мира. Андреев показывает это в самом конце рассказа, когда губернатор убит: «Но за всеми речами, каковы они ни были, чувствовался легкий трепет большого страха: что-то огромное и всесокрушающее, подобно циклону, пронеслось над жизнью, и за нудными мелочами ее, за самоваром, постелями и калачами, выступил в тумане грозный образ Закона Мстителя». ¹⁹

Итак – оба рассказа близки в том, что рациональный, прагматически настроенный персонаж проходит через событие, меняющее его миропонимание. Вместо эмпирических данных играет в новом миропонимании, в новой, если хотите, модели мира, главную роль что-то иррациональное, более сильное, глубже заложенное, рационально не понимаемое.

¹⁶ Там же, с. 117.

¹⁷ Там же, с. 123.

¹⁸ Там же, с. 141

¹⁹ Там же, с. 147.

Zusammenfassung

Im Artikel wird gezeigt, wie die allgemeine Tendenz der russischen Literatur am Ende des 19.-Anfang des 20. Jahrhunderts, Irrationales im menschlichen Leben und Denken zu beschreiben, in den konkreten Werken von Sergeew-Censkij und L. Andrejev zum Ausdruck kommt.